

**РАЗНОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЫ РАССКАЗА Ф. АМИРХАНА
«ТАТАР КЫЗЫ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Summary. The peculiarities of the translations of the story by F. Amirhan are analysed in this presentation. Much attention is paid to transition of the stylistic peculiarities of Tatar story resources of the Russian language.

В статье рассматриваются особенности переводов рассказа Ф. Амирхана на русский язык. Раскрывается своеобразие передачи стилистических особенностей оригинала.

В современном переводоведении перевод чаще всего рассматривается как вид межкультурной опосредованной коммуникации, посредником в которой является переводчик. Автор текста оригинала обращается к своей аудитории, переводчик в силу своей компетенции должен донести подлинник до остальных участников коммуникации. И только тогда его труд окажется успешным, когда акт межкультурной коммуникации осуществится без потерь. В сферу интересов переводоведения включены результат и процесс перевода, и все участники коммуникации, и все факторы, влияющие на ход и результат переводческого процесса. Н.К. Гарбовский определяет перевод как «билингвизм динамический, при котором в контакт вступают не только два языка, но и две культуры, а переводчик соответственно является местом контакта не только языков, но и двух культур» [1: 316].

Текст перевода не только воздействует на реципиента, но и сам подвергается воздействию иной культуры. Различие культур всегда создает определенные трудности при общении, поэтому переводчик, воспринимающий «чужой» мир, стремится не к буквальной точности, а к адекватности. Понимание текста оригинала предполагает интерпретацию основных принципов исходного языка, выявление индивидуальных особенностей автора, способа его мышления. Множественность разных переводов одного и того же

произведения говорит о том, насколько многозначно оригинальное произведение, насколько сложен и неоднозначен процесс интерпретации. Причем каждая эпоха предъявляет к переводу свои требования, поэтому переводы «стареют» раньше подлинников.

У теории и практики перевода есть две крайности, в которые порой впадают переводчики: буквализм и вольность, близость к оригиналу и отдаленность от него. Многие исследователи перевода говорят о том, что важна не передача слова словом, а передача образа образом, воспроизведение не статики текста, а движения образа и смысла в их целостности.

Бесспорность такого утверждения можно доказать, обратившись к разновременным переводам рассказа Ф. Амирхана «Татар кызы» на русский язык.

Исследователи творчества Ф. Амирхана называли «Татарку» поэмой в прозе, рассказ наполнен символическими образами и деталями: «кара кеч», образ машины, бездушного пресса, который символизирует власть темных сил над татаркой. Перевод такого произведения требовал большого мастерства, знаний татарской культуры и основ ислама. К переводу рассказа Амирхана обратились уже в 30-ые годы XX века. Первый перевод был опубликован в 1931 году в «Сборнике татарской литературы (дореволюционной)» и имел подзаголовок «авторизованный», хотя был напечатан спустя 5 лет после смерти татарского прозаика. Следующий перевод был осуществлен в 1957 году Галией Хантемировой, известной переводчицей, оставившей исследования в области теории и практики перевода.

Сопоставление разновременных переводов рассказа «Татар кызы» доказывает тезис М. Гаспарова о существовании двух видов переводов: буквалистского и вольного. «Перевод «вольный» – это перевод для литературных потребителей, перевод «буквалистский» – это перевод для литературных производителей...», – пишет исследователь [2: 102]. Однако «буквалистские» переводы могут настолько быть схематичными, что говорить о каких-то художественных достоинствах их будет очень сложно. Буквальное

копирование всех сторон оригинала приводит к появлению на родном языке произведения, не обладающего никакой художественно-эстетической ценностью.

Таких примеров в отечественном литературоведении много. Так, в сборнике 1931 года сразу же бросается в глаза перевод названия рассказа Ф. Амирхана: «Татар-кызы» («Дочь татарина») (*графическое оформление сохранено – Э.Н.*). Буквальный перевод названия приводит к потере глубокого символического смысла произведения. Ф. Амирхана волновало положение татарской девушки, патриархальными законами прошлого превращенной в «живую куклу». Рассказ наполнен протестом против существующих канонов общества и построен на столкновении светлых начал жизни и темной силы, довлеющей над татаркой.

Переводчик 1931 года верно передает смысл оригинала, однако этот перевод не может удовлетворить запросам вдумчивого читателя, так как отличается излишней дословностью, приводящей к многочисленным лингвистическим и культурологическим потерям. Многие строки построены без учета грамматических особенностей как русского языка, так и своеобразия поэтики оригинала.

К примеру, дословно переводится первая строка двух первых глав рассказа:

Туды... Туганда ул кеше иде <...>. – Родилась. Она была тогда человеком <...>.

Туды... Туганда ул терек иде. – Родилась. Она тогда была живой.

В оригинале повторы позволяют сосредоточить внимание читателей на трагедии татарской девушки, которая с момента рождения была обречена на духовную смерть. Дословный перевод в какой-то степени позволяет сохранить полноту смысла рассказа, однако выдвигание на первый план формальных особенностей оригинала приводит к ослаблению эмоциональной составляющей, поэтому Г. Хантемирова избегает подобных буквализмов. Она стремится отыскать такое подобие, которое могло быть воспринято читателем

иной культуры, иного языка как нечто родное и близкое. «Многочисленные приемы и операции, к которым прибегает переводчик для установления такого подобия, составляют в совокупности методологию перевода, овладение которой необходимо даже исключительно талантливому человеку, тонко чувствующему все мельчайшие нюансы значений, смыслов, ситуаций» [1: 14].

Г. Хантемирова смогла подобрать равноценные средства русского языка при передаче стилистических особенностей произведения Ф. Амирхана. Она избегает многих погрешностей, характерных для раннего перевода, выполненного в традициях господствующего социологизма. «Господство в 30-х годах в практике художественного перевода формалистического, буквалистического метода мешало творческому освоению подлинника. Не была также разработана теория реалистического перевода» [3: 19].

В сборнике 1931 года многие словесные формы остались непереуведенными на русский язык, что прежде всего объясняется незнанием переводчиком культурных и религиозных особенностей татар. К примеру, осталось непереуведенным слово *гаурат*:

Синең чәчләрең, йөзең, бөтен гәүдән – гаурат! (Твои волосы, лицо, все тело – соблазн!) – Твои волосы, лицо, все твоё тело – аурат, которое нельзя показывать.

Значение слова *аурат* без комментария непонятно читателю, и в данном случае переводчик обязан был объективно отразить предметы и явления действительности, представленные в оригинале, соотнести их с определенным культурным кодом. Незнание культурной ситуации приводит к многочисленным потерям, в том числе это касается перевода слов, обладающих религиозной коннотацией. К примеру, в последнем абзаце, где перечисляются реалии восточного мира, не переведены слова *суфши*, *сәяхәтче мөселманнар* (Хантемирова использует понятия, близкие русскому читателю: *отшельники-аскеты*, *мусульмане-паломники*, но не раскрывающие в полном объеме значения исходных слов), слово *аят* в обоих переводах переведено как *стих из корана*. В переводе 1931 года появляются чужеродные для татарского сознания

понятия, к примеру, *сохты* (сохты Айя-Софии в Константинополе) (*карачаево-балкарское слово «сохта» – «ученик» – Э.Н.*). В переводе Хантемировой: «*чтецы корана в стамбульской мечети Айя-София*». Возможно, подобное отношение к некоторым словам оригинала объяснялось и идеологическими установками, стоящими перед переводчиком.

Как видно из приведенных примеров, подобных неточностей и буквальных копирований языковых форм и средств оригинала в переводе Г. Хантемировой нет. Этот перевод является примером адекватного воспроизведения особенностей оригинала, чуткого отношения к ритмическому рисунку рассказа, своеобразию мышления татарского писателя. Для подтверждения данного тезиса обратимся к небольшому фрагменту рассказа:

Туды...

Туганда ул терек иде. Ләкин аның бөтен тереклек вакыты үзе алты яшенә җиткәнче генә сузылды. Аннан соң ниндидер кара көч, үзенең яшерен хөкемендә татар кызын берәүгә дә мәгълүм түгел гөнаһысы өчен, үлем җәзасына хөкем итеп, акрын гына буарга кереште. Шәфкатьсез, кысу машинасы арасына салып, тереклек тамчыларының ахыргысы тамганчы кысарга, тән суынмас, йөрәк тибүдән туктамас борын терексезлек каберенә өстерәргә карар бирде.

Перевод 1931 года:

Родилась... Она тогда была живой. Но ее настоящая жизнь продолжалась только до шести лет. Затем какая-то темная сила в своем тайном судилище за неизвестную вину присудила ее к смертной казни и начала душить. Безжалостный пресс часто подавлял ее до лишения последней капли жизни и вгонял в могилу безжизненности ее неостывшее тело с бьющимся сердцем.

Перевод Г. Хантемировой:

До шести лет девочка была живым существом. Но потом какая-то злая, темная сила на своем тайном судилище приговорила ее за совершение какого-то греха к смерти и медленно начала душить ее, душить в безжалостных тисках до тех пор, пока не будет выжата последняя капля жизни; она приказала заживо зарыть татарку в могилу, прежде чем перестанет биться ее сердце и остынет тело.

Мы видим, насколько копирует структуру исходного текста неизвестный переводчик, он стремится сохранить точное количество предложений

оригинала. Однако все это делается в ущерб художественной стороне рассказа, неточности появляется и при передаче содержания отдельных фраз (*вгонял в могилу безжизненности ее неостывшее тело с бьющимся сердцем*).

Буквальное копирование формальных особенностей оригинала приводит к появлению в переводном произведении выражений, не соответствующих нормам русского языка. Так, предложение *«Жанлы курчакны Биктимер дурт дивар арасына кертеп куйды»* переведено *«Живую куклу Биктимир поставил внутри четырех стен»*. Сравним: *Биктемир запер живую куклу в четырех стенах* (Г. Хантемирова).

Подобные примеры не единичны в переводе 1931 года, это являлось свидетельством низкого качества переводов с национальных языков первых десятилетий XX века. В ранних переводах наиболее часто встречаются опущения и замены. В переводе Г. Хантемировой наблюдаются многочисленные добавления, а также конкретизация значения лексических единиц. За счет добавлений и использования приема компенсации восполняются отсутствующие у русскоязычного читателя фоновые знания в области татарской культуры и религии.

Таким образом, переводы рассказа «Татар кызы», выполненные в разные периоды, в очередной раз подтверждают тезис о том, что перевод – творческий процесс и только проникновение во все тонкости оригинала позволяет создать произведение на другом языке, отвечающее требованиям времени.

Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ № 12-14-16017 а/В.

Литература

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004. – 542 с.

Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // Мастерство перевода: сб.8. – М., 1971. – С. 88-128.

Хантемирова Г. Национальное своеобразие оригинала и проблемы перевода. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1974. – 92 с.